

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL PROCESS AND CRIMINALISTIC MEASURES OF CRIME COUNTERACTING

Научная статья

УДК 343.13

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).91-100

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КАК ПРИНЦИП И КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Т.Ю. Вилкова¹, Р.В. Мазюк², М.А. Хохряков¹

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация

² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 октября 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Целесообразность; уголовное судопроизводство; принцип; уголовное преследование; основание; отказ в возбуждении уголовного дела; прекращение уголовного дела; дискреционные полномочия

Финансирование

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00998-21-00 от 22 декабря 2020 г. «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы». Номер темы — FSMW-2020-0030

Аннотация. Процессы конвергенции и дивергенции права в эпоху глобализации, тенденция сближения порядка уголовного судопроизводства в различных государствах детерминируют необходимость изучения неизвестных российскому законодательству, но широко применяемых за рубежом правовых понятий, одним из которых является целесообразность. Цель исследования заключается в анализе российского и зарубежного законодательства с точки зрения и современности, и исторической ретроспективы, а также правового регулирования целесообразности в уголовном судопроизводстве, определения ее содержания, разграничения целесообразности как принципа и как основания для отказа в уголовном преследовании либо его прекращения уполномоченным должностным лицом или государственным органом, обоснования предложений, направленных на совершенствование российского законодательства и правоприменительной практики. Выявлено, что в ряде европейских государств одним из принципов уголовного судопроизводства признается целесообразность. Показано, что данный принцип не противоречит законности и опирается на такие характеристики уголовно-процессуальной деятельности, как эффективность, оптимальность, оперативность, процессуальная экономия. Наряду с этим законодательство Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии предусматривает дискреционное полномочие прокурора и иных должностных лиц отказаться от инициирования уголовного преследования, от выдвижения обвинения или его поддержания ввиду нецелесообразности. Показаны преимущества и недостатки вынесения решений по этому основанию: недостатками являются широкое усмотрение должностного лица, которое может привести к злоупотреблениям в отсутствие необходимых гарантий (коррупциогенный фактор); преимуществами — процессуальная экономия, широкие возможности для реализации дискреционных полномочий должностных лиц и государственных органов, ведущих уголовный процесс, с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела. Обосновано предложение о дополнении УПК РФ возможностью отказа уполномоченных должностных лиц и государственных органов от возбуждения уголовного дела, осуществления уголовного преследования по мотивам нецелесообразности.

Original article

EXPEDIENCY AS THE PRINCIPLE AND GROUNDS FOR DECISION-MAKING IN CRIMINAL PROCEEDINGS: FOREIGN EXPERIENCE AND THE PROSPECTS FOR USING IT IN RUSSIA

Tatiana Yu. Vilkova¹, Roman V. Maziuk², Maxim A. Khokhryakov¹

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2021 October 11

Abstract. The processes of the convergence and divergence of law in the era of globalization as well as the trend for establishing similar court proceedings in different countries determine the necessity of studying legal concepts still unknown in the Russian

Accepted
2022 February 18
Available online
2022 March 11

Keywords

Expediency; criminal proceedings; principle; criminal prosecution; grounds; refusal to initiate a criminal case; termination of a criminal case; discretionary powers

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of the state task № 075-00998-21-00 of December 22, 2020. «Transformation of Russian Law in The Face of Great Challenges: Theoretical and Applied Foundations». Theme number FSMW-2020-0030

legislation but widely applied in other countries, and expediency is one of them. The goal of this research is to analyze Russian and foreign legislation from both modern and historical perspectives, to analyze the legal regulation of expediency in criminal proceedings, to determine its contents, to differentiate between expediency as a principle and as grounds for the decision to refuse the initiation of criminal proceedings or to terminate them, which is made by a specially authorized official or a state body, to present well-grounded suggestions for the improvement of Russian legislation and the practice of law enforcement. It is determined that expediency is recognized as a principle of criminal proceedings in a number of European states. It is shown that the principle of expediency does not contradict justice and is based on such characteristics of criminal procedure activities as effectiveness, optimality, promptness, procedural economy. At the same time, legislations of the UK, Germany, France and Switzerland provide for the discretionary powers of the prosecutor and other officials to refuse to initiate criminal proceedings, to refuse to bring charges or support them due to in expediency. The authors show the advantages and disadvantages of making decisions on such grounds: the disadvantages include wide discretionary powers of the officials which could lead to the abuse of power in the absence of necessary guarantees (corruption-generating factor); the advantages are procedural economy, wide opportunities for officials and state bodies involved in the criminal process to use discretionary powers depending on the circumstances of each specific case. They argue that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation should provide an opportunity for specially authorized officials and state bodies to refuse to initiate a criminal case or pursue criminal prosecution on the grounds of in expediency.

Конвергенция права различных государств является закономерным итогом послевоенных процессов середины и второй половины XX в. Создание международных организаций гуманитарной направленности, среди которых Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Европейский союз, принятие международных актов в области прав человека оказывают существенное влияние на национальное законодательство различных государств.

Указанные процессы привели к распространению универсальной гуманитарной системы ценностей и созданию международных стандартов в сфере правосудия и имплементации их в национальное законодательство, к изменению во взаимоотношениях национального и наднационального уровней правосудия [1, с. 4], к сближению континентальной и англосаксонской правовой семьи, а также отдельных институтов, которые их характеризуют [2, с. 292]. Некоторые зарубежные исследователи этих процессов напрямую связывают трансформацию уголовного правосудия на глобальном уровне в последние десятилетия с повсеместным распространением демократических ценностей [3].

Тенденция интеграции и синтеза различных правовых систем в эпоху глобализации неизбежно охватывает уголовно-процессуальное право. Вместе с тем эта тенденция не характеризуется абсолютностью синтеза: всегда существуют проявления автономного развития отдельных правовых положений в различных

государствах. Это приводит к необходимости выявления тех аспектов отечественного уголовно-процессуального регулирования, применительно к которым могут быть реализованы оптимальные формы интегрированного права, и наряду с этим — определение вопросов, по которым интеграция ограничена или невозможна.

Процессы конвергенции и дивергенции права в эпоху глобализации детерминируют необходимость изучения лежащих в основе уголовного судопроизводства различных государств принципов и начал, подходы к которым еще не сложились окончательно и продолжают развиваться.

Так, в России произошел постепенный переход от многообразия терминов в пореформенный период («основные положения уголовного судопроизводства» [4, с. 137], «коренные условия» [5, с. 604] и др.), которые использовались в качестве синонимов для обозначения наиболее существенных характеристик смешанного уголовного процесса, пришедшего на смену инквизиционному, к современному закреплению в УПК РФ¹ гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства». При этом вопросы о понятии и системе принципов сохраняют дискуссионный характер [6, с. 6–24], а в научных исследованиях анализируются также начала уголовного судопроизводства [7; 8].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон РФ от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

В болгарском уголовном процессе одной из новелл УПК 2005 г.² стало изменение гл. 2, которая теперь называется «Основные принципы», а не «Основные начала», как было ранее в УПК 1974 г. [9; 10]. Заметим, что название гл. 2 действующего УПК Республики Болгарии не в полной мере соответствует ее содержанию, так как она включает не только принципы, но и основные процессуальные гарантии, закрепленные в ст. 6, 7, ч. 3 ст. 15, ст. 16, 17, 21, 22 [11, с. 28–29]. Ранее Н. Саранов использовал термины «принципы» и «начала» как синонимы. Также он пишет про «следственные и обвинительные принципы», «обвинительное начало» [12, с. 32, 41]. Е. Трендафилова, которая в 2006–2015 гг. была судьей Международного уголовного суда со стороны Болгарии, писала, что «исторически сформировались две модели судебного процесса — инквизиционная и состязательная. Тайность (непубличность), письменность, несостязательность производства — это наиболее характерные черты инквизиционного процесса. Состязательный судебный процесс имеет точно противоположные характеристики — публичность, устность, состязательность» [13, с. 139]. Таким образом, она говорит о характеристиках, а не о началах уголовного процесса.

Учение о началах и принципах процесса всецело устремлено к проблеме типологизации и поиска оптимальной формы процесса. Современные ученые, продолжая развивать учение о началах и формах процесса, выделяют, например, состязательное и розыскное начала, в том числе и на международном уровне. Сочетание различных начал в той или иной степени лежит в основе судопроизводства международных судебных органов, таких как Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека, поскольку им приходится сотрудничать с государствами, которым свойственны различные правовые традиции. Проблема соотношения принципов судопроизводства на национальном и международном уровнях является предметом широкой дискуссии в научном сообществе, которая применительно к правовой системе Европейского союза подробно рассмотрена в работах Д. Петрича [14], М. Враби [15] и других европейских ученых.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Болгарии от 28 октября 2005 г. : (в ред. от 24 сент. 2021 г.) // Болгарский правовой портал. URL: <https://lex.bg/laws/ldoc/2135512224>.

В основе уголовного судопроизводства каждого государства лежат определенные начала и принципы, которые могут существенно различаться, особенно в зависимости от принадлежности государства к той или иной правовой семье, от типа процесса. Сочетание этих начал и принципов способно повлиять на форму процесса и ее трансформацию в целом.

Это предопределяет необходимость анализа принципов, широко применяющихся за рубежом, но неизвестных российскому уголовному процессу. Одним из таких принципов является целесообразность.

В ряде европейских государств должностные лица, ведущие уголовное судопроизводство, при принятии решений руководствуются не только законностью, но и целесообразностью, нередко имеющей статус одного из принципов уголовного процесса.

Принцип целесообразности (или удобства, в немецкой теории — так называемый *Opportunitätsprinzip*) в этих государствах достаточно давний и традиционный. Он означает, что «власти, учрежденной для уголовного преследования, в каждом отдельном случае предоставляется решить, находит ли она удобным, уместным и целесообразным вчинить уголовное обвинение или полагает удобнее от него воздержаться» [16, с. 75].

М.А. Чельцов отмечал, что принцип целесообразности стал выдвигаться в теории и проник в законодательство в эпоху империализма. Законодательный почин принадлежал Норвегии. Здесь в Уставе уголовного судопроизводства 1887 г. прокурору было предоставлено право отказаться в судебном заседании от обвинения во всех случаях, когда он признает нецелесообразным применение наказания [17, с. 200].

Однако в целом в XIX в. западноевропейские государства и Россия придерживались применительно к деятельности органов должностного обвинения принципа законности [16, с. 76–77].

В современных государствах принцип целесообразности получает все большее признание. Он проявляется как при возбуждении уголовного дела, уголовного преследования, так и при решении вопроса о прекращении предварительного (досудебного) производства, когда оно уже ведется.

В Германии целесообразность проявляется в праве прокуратуры на отказ от преследования [прекращение дела], т.е. на прекращение следственного производства, несмотря на на-

личие подозрения в совершении преступления (§ 153–154e УПК ФРГ) [18, с. 32]. В этом значении целесообразность признается исключением из принципа законности, которое со временем становится все более частым и объемным: в 2004 г. прекращение дел по принципу целесообразности составило 27,3 % от общей численности следственных дел в отношении 25,5 % всех подследственных [там же, с. 23, 41].

Принцип целесообразности господствует в Швейцарии, УПК которого в ст. 8 содержит основания того, что прокуратура вправе не возбуждать уголовное дело, а также должна прекратить его, если оно уже ведется: малозначительность вины или последствий деяния; возмещение вреда, если имеются предпосылки для условного осуждения и при этом публичный интерес и интерес потерпевшего к уголовному преследованию незначителен, а также если лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, затронуто непосредственными последствиями его действий настолько серьезно, что наказание было бы несоразмерным [2, с. 358–359].

В Лихтенштейне целесообразность включена в состав принципов уголовного судопроизводства с 1988 г., когда был принят ныне действующий УПК: несмотря на наличие в деянии лица состава преступления и при отсутствии материально-правовых или процессуальных препятствий для возбуждения уголовного дела и уголовного преследования, государство вправе применить различные альтернативные меры, преимущественно направленные на поощрение позитивного посткриминального поведения и на урегулирование конфликта с потерпевшим [19, с. 40, 218].

В ст. 40 УПК Франции заложены два фундаментальных принципа, которыми руководствуются прокуроры: с одной стороны, принцип возможности (целесообразности), предоставляющий прокурору право решать исходя из юридических и дискреционных оснований, возбуждать ли уголовное дело, а с другой стороны — принцип монополии (исключительного права), который наделяет прокурора исключительной функцией поддержания государственного обвинения [20, с. 272].

В Великобритании полиция имеет право принять решение о нецелесообразности дальнейшего уголовного преследования и прекратить дело, освободить подозреваемого с предупреждением (caution) или начать процедуру

подготовки предъявления обвинения. Решение Королевской службы уголовного преследования о целесообразности предъявления обвинения зависит в большей степени от реальной перспективы вынесения обвинительного приговора судом. Если таковая отсутствует, Королевская служба уголовного преследования, скорее всего, откажется от предъявления обвинения³ [20, с. 89–90]. Также в современном законодательстве Соединенного королевства предусмотрены процедуры перевода некоторых категорий уголовных дел в сферу гражданского судопроизводства на основании применения принципа целесообразности, однако ряд исследователей, в частности, Дж. Хендри и К. Кинг, полагают, что эти нововведения на практике ставят под угрозу как защиту прав человека, так и охрану правопорядка [21].

Таким образом, целесообразность достаточно широко применяется за рубежом как одно из оснований для отказа в осуществлении уголовного преследования или прекращения предварительного (досудебного) производства. Гарантиями законности и обоснованности таких решений часто служит возможность обжалования этих решений [22, с. 316–317].

Среди государств постсоветского пространства соответствующий принцип закреплен в ст. 16 УПК Грузии «Дискреционность уголовного преследования»: прокурор, принимая решение о начале и прекращении уголовного преследования, пользуется дискреционным полномочием, при этом он руководствуется публичными интересами⁴. Предложения о его включении в систему принципов уголовного судопроизводства высказываются в ряде постсоветских государств: в Республике Беларусь [23], Республике Казахстан [24].

Отечественному уголовно-процессуальному законодательству целесообразность была известна на протяжении двух лет с 1925 по 1927 г.

В 1925 г. УПК РСФСР 1923 г. был дополнен ст. 4-а, расширившей закрепленный в ст. 4 перечень оснований, по которым уголовное преследование не могло быть возбуждено, а возбужденное не могло быть продолжено и подлежало прекращению на любой стадии процесса: «Про-

³ The Code for Crown Prosecutors. URL: <https://www.cps.gov.uk/publication/code-crown-prosecutors>.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. : (в ред. от 23 сент. 2021 г.) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=121>.

курор и суд имеют право отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Кодексом, но не может признаваться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным»⁵. Для прекращения дела по этому основанию требовалось согласие обвиняемого⁶.

Этот институт был введен в целях прекращения уголовных дел, «где преступные по форме действия лишены того минимума социальной опасности, который делает целесообразным возбуждение уголовного дела»⁷.

Например, по указанному основанию было прекращено дело в отношении нескольких рабочих, осужденных за дачу и получение взяток за содействие в трудоустройстве ввиду того, что «новым законодательством о порядке найма рабочих устранены те препятствия, которые в силу объективных условий работы вызвали инкриминируемые всем обвиняемым деяния и малозначительности содеянного, а также в силу устранения причин, могущих вызвать вновь совершение подобных преступлений, и нецелесообразности дальнейшего производства по данному делу»⁸.

⁵ Статья введена 9 февраля 1925 г. в порядке ст. 2 постановления 2 Сессии ВЦИК X созыва о порядке изменения кодексов (СУ. 1923. № 54. Ст. 530). Порядок прекращения дел в силу ст. 4-а УПК был предусмотрен в ст. 203-а и 222-а, введенных (а позднее и исключенных) одновременно со ст. 4-а УПК. Исключена с 1 января 1927 г. (СУ. 1926. № 84. Ст. 623; Известия ЦИК. 1926. 22 дек. № 296/2927).

⁶ О праве обвиняемого отказаться от прекращения дела в распорядительном заседании по амнистии и нецелесообразности и требовать рассмотрения дела по существу: постановление Пленума ВС РСФСР от 17 мая 1926 г., протокол № 8 // Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР / предисл. П.И. Стучка. 2-е изд. М., 1931. С. 470.

⁷ Инструктивное письмо Верховного Суда РСФСР 1925 г. № 2 // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 31. С. 1071.

⁸ Определение Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу № 21787 // Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР за 1925 год. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925–1926. Вып. 1: Январь — июнь. С. 109.

Таким образом, предусмотренный ст. 4-а УПК РСФСР 1923 г. отказ от уголовного преследования был связан не с процессуальной нецелесообразностью, а с тем, что деяние не признавалось преступлением в силу малозначительности. В этом видится существенное отличие от принципа целесообразности, действующего в ряде зарубежных государств, где отказ от уголовного преследования по мотивам нецелесообразности осуществляется в отношении преступлений (в том числе достаточно тяжких) и носит именно процессуальный, а не материально-правовой характер.

В настоящее время российское уголовно-процессуальное законодательство не использует термин «целесообразность». Однако это вовсе не означает, что целесообразность не присуща отечественному уголовному судопроизводству.

Следует различать целесообразность (1) как полномочие должностного лица об отказе от уголовного преследования, выдвижения обвинения или его поддержания, и (2) в более широком значении, ассоциирующемся с такими характеристиками уголовно-процессуальной деятельности в целом, как эффективность, оптимальность, оперативность, процессуальная экономия.

Вне всякого сомнения, государство должно стремиться к правовому регулированию, позволяющему достигать цели и выполнять задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством, такими способами и средствами, которые не были бы ни чрезмерными, ни излишне упрощенными, чтобы порядок судопроизводства — будь то общий или дифференцированный, — сбалансированно защищал интересы личности, общества, государства.

В этом широком смысле уголовно-процессуальная деятельность всегда должна быть целесообразной. Например, положение ч. 4 ст. 152 УПК РФ о том, что предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты, объективности и соблюдения процессуальных сроков, конечно, целесообразно.

Высказывающиеся в российских доктринальных источниках предложения о дополнении системы принципов уголовного судопроизводства принципом целесообразности, как правило, имеют в виду именно второе, более широкое значение этого термина [25, с. 10; 26]. Ведущиеся в работах по теории государства и

права дискуссии о соотношении законности и целесообразности также опираются на понимание целесообразности как принципа пользы в целом [27, с. 353–354].

Целесообразное (в соответствии с поставленными целями) уголовно-процессуальное правовое регулирование презюмируется; оно изначально должно строиться таким образом, чтобы было достигнуто назначение уголовного судопроизводства. Осуществляемая в соответствии с законом правоприменительная деятельность также должна быть направлена на достижение цели, указанной в ст. 6 УПК РФ.

Целесообразность в значении принципа пользы по своему содержанию скорее можно отнести к общим принципам права. Неслучайно на принцип целесообразности имеются ссылки в судебных решениях по различным категориям гражданских дел⁹. В отдельных случаях на принцип целесообразности суды ссылаются даже в решениях по уголовным делам, несмотря на отсутствие такого принципа в гл. 2 УПК РФ¹⁰. Специальное закрепление общеправовых принципов (большинство которых находит отражение в Конституции РФ) в отраслевом законодательстве хотя и встречается, но не является обязательным [28, с. 6–38].

Вместе с тем в настоящее время назначение уголовного процесса всецело корреспондирует принципу законности, а не целесообразности: никто не должен быть незаконно обвинен / осужден, никто не должен быть лишен защиты своих прав. Это диктует необходимость возбуждения уголовного дела, его расследования и разрешения судом в каждом случае обнаружения признаков преступления. О возможности каких-либо изъятий из этого порядка в гл. 2 УПК РФ не говорится вовсе. Однако допустимость *предусмотренных законом* согласительных процедур, особенностей отдельных производств, целесообразных по своей сущности, вовсе не противостоит законности и не тождественна беззаконию. Например, применительно к принципу равенства всех перед законом

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2020 г. по делу № 33-2424/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 12 марта 2020 г. № 33а-1509/2020 // Там же.

¹⁰ Цит. по: Дело «Суслов (Suslov) против Российской Федерации» (жалоба № 2366/07) : постановление Европ. суда по правам человека от 29 мая 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 11.

и судом Конституционный Суд РФ указал, что могут устанавливаться имеющие объективное и разумное оправдание особенности уголовного судопроизводства с целью защиты публично-правового интереса и на основе объективных характеристик отдельных категорий лиц¹¹.

Разрешить указанное противоречие могло бы дополнение ст. 7 УПК РФ ч. 5 следующего содержания: «С целью защиты публично-правового интереса и на основе объективных характеристик отдельных категорий дел и/или лиц Конституцией Российской Федерации и настоящим Кодексом могут устанавливаться имеющие объективное и разумное оправдание особенности уголовного судопроизводства по отдельным категориям дел и/или с участием либо в отношении этих лиц».

Если говорить о целесообразности как о мотиве отказа уполномоченных субъектов от начала предварительного производства или от выдвижения обвинения, то следует признать, что Россия находится в стороне от преобладающей тенденции развития этого института в досудебном производстве, наблюдающейся в западноевропейских государствах. А предложения о введении этого института в России немногочисленны [29; 30].

И все же хотя принцип целесообразности и не поименован в УПК РФ, он находит отражение в праве государственного обвинителя на полный или частичный отказ от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Как и в государствах, где применяется принцип целесообразности, такой отказ от обвинения, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, влечет императивные последствия для уголовного судопроизводства (п. 2 ст. 254 УПК РФ).

Является ли наличие дополнительного основания для отказа уполномоченных субъектов от начала предварительного производства или от выдвижения и поддержания обвинения по мотивам нецелесообразности позитивным фактором?

Отвечая на этот вопрос, необходимо помнить, что указанное основание носит оценочный

¹¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова : постановление Конституц. Суда РФ от 16 марта 2017 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 13. Ст. 1991.

характер, и его введение создает дополнительные риски злоупотреблений, являясь коррупциогенным фактором при отсутствии или недостаточности установленных гарантий законности и обоснованности решений.

Это обстоятельство учитывается в зарубежном законодательстве, где устанавливаются механизмы, призванные снизить такие риски. Так, в Лихтенштейне отказ прокурора от уголовного преследования в отношении направленного на рассмотрение в суд преступного деяния подлежит обязательной (безусловной) ревизии. Как отмечает А.А. Трефилов, «законодатель как будто бы с недоверием относится к фактам отказа прокурора от государственного обвинения, подозревая в этом коррупционную составляющую или иное нарушение действующего законодательства» [19, с. 140].

Следует также отметить, что возникает проблема юридически корректной формулировки мотивировочной части решения, принятого путем применения дискреционных полномочий должностного лица. В ряде работ зарубежных исследователей предлагаются различные терминологические новеллы для того, чтобы обеспечить единообразие формулировок в таких случаях. Например, Ф.М. Рашид применительно к практике Международного уголовного суда предлагает ввести понятие достаточной серьезности нарушения закона [31], а Б. Войчеховски и М. Зирк-Садовски полагают, что применение дискреционных полномочий в уголовном процессе в ряде случаев неотделимо от опоры на моральные принципы и нормы, и в этом случае необходимо использовать термины «справедливость» (equity) и «правильность» (rightness) [32], понимаемые именно в контексте морально-нравственных принципов.

Отказ от возбуждения уголовного дела, прекращение производства по делу, отказ от обвинения ввиду нецелесообразности вовсе не означает произвольности при принятии этих решений. Ни одно дискреционное полномочие должностного лица и государственного органа не может осуществляться произвольно, включая и прекращение производства по делу в тех случаях, когда это является правом, а не обязанностью суда, прокурора, органов предварительного расследования.

В качестве примера приведем частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 мая 2020 г. № 77-641/2020, в

котором обращено внимание нижестоящих судов на недопустимость произвольного отклонения ходатайства потерпевшей о прекращении уголовного дела в связи с примирением только на том основании, что такое прекращение является правом, а не обязанностью суда, без приведения конкретных обстоятельств, препятствующих такому решению¹².

С другой стороны, наличие у уполномоченного должностного лица права отказаться от уголовного преследования ввиду его нецелесообразности позволит принимать решения с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, уменьшить число нарушений при приеме и регистрации сообщений о преступлении, при возбуждении и расследовании уголовных дел, и с этих позиций позволит оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность, расширит возможности для реализации дискреционных полномочий должностных лиц и государственных органов, ведущих уголовный процесс, с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела, будет способствовать обеспечению доступа к правосудию.

В определенной степени доводом в пользу введения такого основания может служить и практика Европейского суда по правам человека, который из того, что «на органах власти государства-ответчика лежит обязанность оценить достаточность данных для возбуждения уголовного дела и его целесообразность»¹³. Эффективность расследования также оценивается Европейским судом по правам человека с учетом его разумной целесообразности¹⁴.

В этой связи представляет интерес мнение И.Г. Смирновой, согласно которому «гармонично дополняющим разумность является требование целесообразности, что детерминировано

¹² Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 мая 2020 г. № 77-641/2020 // Второй кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=160294178&uid=08fd3e10-927a-4dbe-9c9b-42d6b04d3fb5&_deloid=4&_caseType=0&_new=2450001&_doc=1&_srv_num=1.

¹³ Постановление Европейского суда по правам человека от 11 декабря 2018 г. по делу «Родионов (Rodionov) против Российской Федерации» (жалоба № 9106/09). П. 153 // Российская хроника Европейского Суда. 2020. № 1.

¹⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 25 июня 2019 г. по делу «Николае Вирджилиу Тэнасе (Nicolae Virgiliu Tanase) против Румынии» (жалоба № 41720/13) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2019. Спец. вып. № 7.

целенаправленным характером уголовно-процессуальной деятельности» [33, с. 130]. Автор справедливо предлагает рассматривать разумную целесообразность в качестве одной из уголовно-процессуальных стратегий развития уголовного судопроизводства. Так, по мнению И.Г. Смирновой, стратегия разумной социальной целесообразности включает, в частности, передачу «решения ряда вопросов, связанных с уголовным судопроизводством, гражданскому обществу (путем, например, развития института медиации, посредничества)» [там же, с. 131].

Введение дополнительного основания для отказа от инициирования и продолжения уголовного преследования должно сопровождаться установлением гарантий, призванных обеспечить законность и обоснованность принимаемых решений, включая ограничение круга дел, по которым допускается применение данного основания, установление определенных условий (например, согласие лица, которому преступлением причинен вред), возможность обжалования принятого решения заинтересованными лицами, в том числе в суде.

Подводя итог, отметим, что следует различать целесообразность как принцип и как осно-

вание для принятия решений в уголовном судопроизводстве.

Принцип целесообразности пронизывает весь уголовный процесс, при этом не конфликтуя с принципом законности, а дополняя его: сам закон строится в соответствии с целеполаганием. Специальное закрепление принципа целесообразности в виде отдельной статьи в гл. 2 УПК РФ не требуется. Вместе с тем представляется необходимым указать в ст. 7 УПК РФ возможность и пределы применения особых производств. Это позволит отразить и одновременно ограничить определенные (целесообразные) изъятия из общего порядка производства по уголовному делу.

Целесообразность также может служить самостоятельным основанием для принятия решений в уголовном судопроизводстве, в первую очередь — прекращения уголовного дела, уголовного преследования прокурором, органами предварительного расследования, судом. Введение такого основания должно сочетаться с установлением пределов и гарантий недопущения произвольности его применения. Это позволит оптимизировать уголовно-процессуальную деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. — 2012. — № 5. — С. 1–12.
2. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. В 15 т. / А.А. Трефилов. — Москва : Восход-А, 2016. — Т. 1 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. — 1019 с.
3. Kleinfeld J. Three principles of democratic criminal justice / J. Kleinfeld // Northwestern University Law Review. — 2017. — No. 6, iss. 111. — P. 1455–1490.
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. — Москва : Склад изд. в кн. складе М.В. Ключкина, 1910. — 448 с.
5. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. / А.П. Чебышев-Дмитриев. — Санкт-Петербург : В.П. Печаткин, 1875. — 756 с.
6. Принципы российского судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 355 с.
7. Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.09 / Е.А. Артамонова. — Саратов, 2019. — 51 с.
8. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.Н. Масленникова. — Москва, 2000. — 45 с.
9. Павлов С. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Народной Республики Болгарии / С. Павлов // Советская юстиция. — 1975. — № 17. — С. 29–31.
10. Радева Р.С. Новый уголовно-процессуальный кодекс Народной Республики Болгарии / Р.С. Радева // Советское государство и право. — 1976. — № 4. — С. 83–88.
11. Манев Н. Наказательно-процессуально право / Н. Манев. — София : РОМИНА, 2006. — 380 с.
12. Саранов Н. Кратък курс по наказателно и процесуално право / Н. Саранов. — 2-е изд., подпр. и доп. — София : Художник, 1943. — 164 с.
13. Трендафилова Е. Необходими промени в наказателния процес / Е. Трендафилова // Юридически свят. — 1999. — № 2. — С. 137–140.
14. Petric D. Game of courts: A tale of principles and institutions / D. Petric. — DOI 10.1111/eulj.12318 // European Law Journal. — 2019. — Vol. 3, no. 25. — P. 273–291.
15. Vrabie M. Judicial Review of Administrative Action at National Level under the EU Charter of Fundamental Rights and General Principles of EU Law / M. Vrabie. — DOI 10.17573/cepar.2020.1.02 // Central European Public Administration Review. — 2020. — No. 1. — P. 25–49.

16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 1. — 552 с.
17. Чельцов-Бебутов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. — Москва : Госюриздат, 1948. — 624 с.
18. Шредер Ф.-К. Уголовно-процессуальное право Германии / Ф.-К. Шредер, Т. Ферелл. — 5-е изд. — Москва : Инфотропик Медиа, 2016. — 304 с.
19. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. В 15 т. / А.А. Трефилов. — Москва : Восход-А, 2020. — Т. 3 : Уголовно-процессуальная компаративистика. Правоохранительные органы в Лихтенштейне. Уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. Ювенальное уголовное судопроизводство в Лихтенштейне. — 1020 с.
20. Уголовный процесс европейских государств / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. — Москва : Проспект, 2018. — 752 с.
21. Hendry J. Expediency, Legitimacy, and the Rule of Law: A Systems Perspective on Civil/Criminal Procedural Hybrids / J. Hendry, C. King. — DOI 10.1007/s11572-016-9405-6 // *Criminal Law and Philosophy*. — 2017. — No. 4. — P. 733–757.
22. Головки Л.В. Материалы к построению сравнительного уголовно-процессуального права: источники, доказательства, предварительное производство / Л.В. Головки // Труды юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2009. — Кн. 11. — С. 227–360.
23. Самарин В.И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе / В.И. Самарин // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Минск, 2017. — С. 73–84.
24. Ханов Т.А. Целесообразность как принцип уголовного судопроизводства / Т.А. Ханов, А.Т. Садвакасова // Актуальные проблемы современности. — 2019. — № 2 (25). — С. 13–18.
25. Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Апостолова. — Москва, 2010. — 62 с.
26. Савельев К.А. Принцип целесообразности в российском уголовном процессе: «за» и «против» / К.А. Савельев, В.В. Иванов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 54–58.
27. Теория государства и права : учебник / под ред. О.В. Мартышина. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2017. — 430 с.
28. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в системе принципов национального права: общеправовой и межотраслевой аспекты / Т.Ю. Вилкова. — Москва : НОРМА, 2018. — 191 с.
29. Абшилава Г.В. Проявление принципа целесообразности в уголовно-процессуальном институте, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ / Г.В. Абшилава // Общество и право. — 2011. — № 3 (35). — С. 243–248.
30. Панкратов Д.Е. Начальные стадии уголовного судопроизводства зарубежных стран и российский уголовный процесс / Д.Е. Панкратов // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 317. — С. 144–146.
31. Rashid F.M. The hidden discretionary capacity of the ICC prosecutor: revisiting the analysis of legal and relative gravity / F.M. Rashid. — DOI 10.1080/13642987.2019.1671827 // *International Journal of Human Rights*. — 2020. — No. 6. — P. 773–795.
32. Wojciechowski B. The Argument of Rightness as an Element of the Discretionary Power of the Administrative Judge / B. Wojciechowski, M. Zirk-Sadowski. — DOI 10.1007/s11196-019-09673-w // *International Journal for the Semiotics of Law*. — 2020. — Vol. 1, iss. 33. — P. 215–229.
33. Смирнова И.Г. К вопросу о необходимости формирования новой уголовно-процессуальной стратегии / И.Г. Смирнова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 3 (122). — С. 128–132.

REFERENCES

1. Zorkin V.D. Interaction of national and supranational justice: new challenges and perspectives. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiviya = Journal of Constitutional Justice*, 2012, no. 5, pp. 1–12. (In Russian).
2. Trefilov A.A. *Criminal proceedings of foreign countries*. Moscow, Voskhod-A Publ., 2016. Vol. 1. 1019 p.
3. Kleinfeld J. Three principles of democratic criminal justice. *Northwestern University Law Review*, 2017, no. 6, iss. 111, pp. 1455–1490.
4. Dukhovskoi M.V. *Russian criminal process*. M.V. Klyukin Publ., 1910. 448 p.
5. Chebyshev-Dmitriev A.P. *Russian criminal proceedings under judicial statutes November 20, 1864*. Saint Petersburg, V.P. Pechatkin Publ., 1875. 756 p.
6. Manova N.S. (ed.). *Principles of Russian criminal justice: content and problems of implementation*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 355 p.
7. Artamonova E.A. *The will of the accused in the system of legal categories and basic principles of criminal proceedings*. *Doct. Diss. Thesis*. Saratov, 2019. 51 p.
8. Maslennikova L.N. *Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia*. *Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 45 p.
9. Pavlov S. New Criminal Procedure Code of the People's Republic of Bulgaria. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1975, no. 17, pp. 29–31. (In Russian).
10. Radeva R.S. New Criminal Procedure Code of the People's Republic of Bulgaria. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1976, no. 4, pp. 83–88. (In Russian).
11. Manev N. *Criminal procedural law*. Sophia, ROMINA Publ., 2006. 380 p.
12. Saranov N. *A short course of criminal and procedural law*. 2nd ed. Sophia, Khudozhnik Publ., 1943. 164 p.
13. Trendafilova E. Necessary changes in the criminal process. *Yuridicheski svyat = The Legal World*, 1999, no. 2, pp. 137–140. (In Bulgarian).
14. Petric D. Game of courts: A tale of principles and institutions. *European Law Journal*, 2019, vol. 3, no. 25, pp. 273–291. DOI: 10.1111/eulj.12318.

15. Vrabie M. Judicial Review of Administrative Action at National Level under the EU Charter of Fundamental Rights and General Principles of EU Law. *Central European Public Administration Review*, 2020, no. 1, pp. 25–49. DOI: 10.17573/cepar.2020.1.02.
16. Foinitskii I.Ya. *A Course in Criminal Court Procedure*. Saint Petersburg, Al'fa Publ., 1996. 552 p.
17. Chel'tsov-Bebutov M.A. *Criminal Procedure*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1948. 624 p.
18. Schröder F.-Ch., Verrel T. *Strafprozessrecht*. München, C.H. Beck, 2014. 298 p. (Russ. ed. Schröder F.-Ch., Verrel T. *Criminal Procedure Law*. 5th ed. Moscow, Infotropik Media Publ., 2016. 304 p.).
19. Trefilov A.A. *Criminal proceedings of foreign countries*. Moscow, Voskhod-A Publ., 2020. Vol. 3. 1020 p.
20. Samarin V.I., Lutsik V.V. (eds.). *The Criminal Process of European Countries*. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 752 p.
21. Hendry J., King C. Expediency, Legitimacy, and the Rule of Law: A Systems Perspective on Civil/Criminal Procedural Hybrids. *Criminal Law and Philosophy*, 2017, no. 4, pp. 733–757. DOI: 10.1007/s11572-016-9405-6.
22. Golovko L.V. Materials for the construction of comparative criminal procedure law: Sources, evidence, preliminary proceedings. *Proceedings of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University*. Moscow, 2009, bk. 11, pp. 227–360. (In Russian).
23. Samaryn V.I. The principle of opportunity vs. the principle of publicity in the modern criminal procedure. *Criminal Proceeding Based on the Rule of Law as the Means to Ensure Human Rights. The International Scientific and Practical Conference Proceedings*. Minsk, 2017, pp. 73–84. (In Russian).
24. Khanov T.A., Sadvakassova A.T. Feasibility as a principle of criminal proceedings. *Aktual'nye problemy sovremennosti = Actual Problems of Modernity*, 2019, no. 2, pp. 13–18. (In Russian).
25. Apostolova N.N. *Expediency (discretion) in Russian criminal proceedings. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2010. 62 p.
26. Savelyev K.A., Ivanov V.V. The principle of expediency in the Russian criminal process: «for» and «against». *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 3, pp. 54–58. (In Russian).
27. Martyshin O.V. (ed.). *Theory of State and Law*. 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 430 p.
28. Vilkovala T.Yu. *Principles of criminal procedure in the system of principles of national law: general legal and intersectoral aspects*. Moscow, Norma Publ., 2018. 191 p.
29. Abshilava G.V. The manifestation of the principle of expediency in the institute of criminal procedure under Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 3, pp. 243–248. (In Russian).
30. Pankratov D.E. The initial stages of criminal court proceeding abroad and Russia's criminal procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2008, no. 317, pp. 144–146. (In Russian).
31. Rashid F.M. The hidden discretionary capacity of the ICC prosecutor: revisiting the analysis of legal and relative gravity. *International Journal of Human Rights*, 2020, no. 6, pp. 773–795. DOI: 10.1080/13642987.2019.1671827.
32. Wojciechowski B., Zirk-Sadowski M. The Argument of Rightness as an Element of the Discretionary Power of the Administrative Judge. *International Journal for the Semiotics of Law*, 2020, vol. 1, iss. 33, pp. 215–229. DOI: 10.1007/s11196-019-09673-w.
33. Smirnova I.G. On the problem of necessity of the new legal procedure strategy formation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*, 2011, no. 3, pp. 128–132. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вилкова Татьяна Юрьевна — доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: tvilkova@yandex.ru.

Мазюк Роман Васильевич — доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: marova@mail.ru.

Хохряков Максим Александрович — доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: makhokhryakov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Вилкова Т.Ю. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России / Т.Ю. Вилкова, Р.В. Мазюк, М.А. Хохряков. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).91-100 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 91–100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vilkova, Tatiana Yu. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: tvilkova@yandex.ru.

Maziuk, Roman V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: marova@mail.ru.

Khokhryakov, Maxim A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: makhokhryakov@gmail.com.

FOR CITATION

Vilkova T.Yu., Maziuk R.V., Khokhryakov M.A. Expediency as the principle and grounds for decision-making in criminal proceedings: foreign experience and the prospects for using it in Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 91–100. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).91-100.